

С.А. ШЕЙФЕР О СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье анализируется вклад С.А. Шейфера в развитие учения о следственных действиях. На основе понимания следственных действий в узком смысле этого слова демонстрируется подход к следственным действиям как диалектическому единству формы и содержания, где формой предстает установленный уголовно-процессуальным законом порядок осуществления познавательного-удостоверительных приемов субъектов доказывания, а содержанием — собственно сами операции и приемы, направленные на познание обстоятельств расследуемого события. Автор разделяет озабоченность ученого по поводу попыток модернизации системы следственных действий за счет внедрения в нее оперативно-розыскных мероприятий в качестве «специальных следственных действий». В статье обосновывается принципиальное различие этих двух способов познания события прошлого. Аргументируется недопустимость введения в уголовно-процессуальное право чужеродных нормативных образований, функционирующих по иным правилам, регулирующих другие общественные отношения. Показывается, что режим осуществления большинства оперативно-розыскных мероприятий не может создать надлежащих гарантий достоверности получаемой информации, что требует дополнительных усилий по проверке этих сведений и трансформации их в судебные доказательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, средства познания, система следственных действий, специальные следственные действия.

*Истина — это то, что упрощает мир,
а не то, что создает хаос...*

Антуан де Сент-Экзюпери

Общие вопросы доказывания, проблематика оптимизации познавательных средств, используемых правоприменителями в ходе установления значимых обстоятельств уголовного дела, всегда относились к наиболее сложным и дискуссионным аспектам уголовно-процессуальной теории, поскольку их решение зачастую требовало обращения к философской методологии. Следует подчеркнуть в данном контексте, что указанные острые вопросы науки уголовно-процессуального права постоянно были в фокусе научного интереса С.А. Шейфера, который о непростых проблемах доказывания умел писать очень четко и доходчиво, верно расставляя акценты, обосновывая свои выводы убедительными аргументами. В этом — особый талант Семена Абрамовича, который внес неопенимый вклад в развитие теории доказывания, учения о следственных действиях.

С учетом проблематики настоящей статьи хотелось бы проанализировать ряд публикаций уважаемого профессора, где им исследуется вопрос о системе следственных действий и путях ее совершенствования [1; 2]. Эти знаковые работы, по моему глубокому убеждению, надлежит расценивать как адресованное сообществу процессуалистов своеобразное «научное завещание»,

в котором обосновываются концептуальные подходы к определению судьбы системы следственных действий.

Прежде всего, определяя феномен следственных действий в узком смысле, С.А. Шейфер верно обращает внимание на необходимость акцентирования в них не только познавательной, но и процессуальной компоненты. «С познавательной точки зрения следственное действие выступает как способ собирания доказательств — извлечения информации из следов события: отыскания (обнаружения) доказательственной информации, содержащейся в следах, ее восприятия, преобразования и закрепления в материалах дела» [1], «процессуальный же аспект следственного действия состоит в том, что его проведение четко регламентировано нормами уголовно-процессуального закона, совокупность которых образует специфический институт уголовно-процессуального права, реализуемый в правоотношениях между его участниками» [1]. По сути, этот подход демонстрирует понимание следственного действия как диалектического единства формы и содержания, где формой выступает установленный законом порядок его проведения, а содержанием — удостоверительно-познавательные приемы властного субъекта доказывания. Причем именно такое понимание следственного действия является доминирующим в уголовно-процессуальной доктрине.

Исходя из этих двух важных компонентов, можно сравнить сущность следственных действий с дру-

* © Зайцева Е.А., 2017

Зайцева Елена Александровна (zaitceva-expert@rambler.ru), кафедра уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России, 400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

гими познавательными приемами, применяемыми субъектами оперативно-розыскной деятельности. С.А. Шейфер не зря обращает внимание на возрастание популярности в научных кругах идеи внедрения в ткань уголовно-процессуальной деятельности элементов так называемых «специальных следственных действий»: по сути, оперативно-розыскных мероприятий, которые в системе действующего нормативного регулирования являют собой один из институтов оперативно-розыскного права.

Итак, сравним по познавательной сущности следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. В познавательной направленности они схожи: и те и другие нацелены на познание события преступления, его юридически значимых свойств. Однако если в ходе следственных действий осуществляется познание ретроспективное — уже свершившегося факта объективной реальности, познание опосредованное (посредством следов, запечатлевшихся в материальной обстановке или в виде идеально фиксированных отображений в памяти участников и очевидцев события), то оперативно-розыскное познание не исключает непосредственно контакта познающего субъекта с событием преступления, например при осуществлении таких оперативно-розыскных мероприятий, как проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент (пп. 4, 12, 13, 14 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]).

Опять же видим отличия и в познающем субъекте и его полномочиях: следователь, дознаватель, осуществляя следственные действия, не просто познают событие преступления и значимые для его установления обстоятельства — они преобразуют полученную первичную информацию в качественно иной информационный продукт [6, с. 25], который отражает явление «формирования» доказательства [7, с. 32–35]. Именно властные субъекты, ведущие производство по уголовному делу, наделены исключительным полномочием по формированию уголовно-процессуальных доказательств. В результате их познавательно-преобразующей деятельности получается доказательство, которое они могут использовать в «доказывании-обосновании» на последующих этапах уголовного судопроизводства — при обосновании собственных процессуальных решений по уголовному делу или при убеждении конечного адресата доказывания (суда) в правильности своего обвинительного тезиса.

Иначе обстоит дело со сведениями, собираемыми субъектом оперативно-розыскной деятельности. Безусловно, достоверительная компонента присутствует и в их познавательных действиях, т. к. полученные ими сведения должны стать основой для формирования доказательств и, соответственно, должны обладать проверяемыми свойствами, которые позволят вовлечь их в орбиту доказательственной деятельности лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Сами сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, доказательства не формируют, они соз-

дают для них информационную основу, которая после определенной трансформации может преобразоваться в доказательства — именно трансформации, как представляется, а не легализации и не интерпретации, как пишут в уголовно-процессуальной литературе.

Сторонником использования для описания этого явления термина «интерпретация» является М.П. Поляков, который доказывает существование принципа интерпретации в системе информационного взаимодействия уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности [10, с. 187; 11, с. 48]. Полагаем не совсем удачным применять термин «интерпретация» с учетом того смысла, который традиционно отводится указанному слову в русском языке (интерпретация — толкование, объяснение, раскрытие смысла чего-нибудь [12; 13]). Вряд ли можно назвать процесс придания процессуальной формы результатам оперативно-розыскных мероприятий «интерпретацией» в таком значении — следователь не истолковывает эту информацию, не объясняет ее, а придает ей надлежащий вид (предусмотренный уголовно-процессуальным законом) после соответствующей проверки. Термин «легализация» также не подходит для описания процедуры введения в уголовный процесс этих сведений. Так, Большой энциклопедический словарь определяет легализацию как «узаконение, придание юридической силы какому-либо акту, действию» [14]. Алогичным является использование этого термина к деятельности, носящей изначально законный характер: ведь субъекты ОРД, осуществляя познавательные процедуры в рамках этой деятельности, должны соблюдать требования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», указанной ранее Инструкции и других ведомственных актов, что позволяет говорить о легальности их деятельности и ее результатов.

Поэтому, как представляется, именно термин «трансформация» в полной мере отражает генезис формирования доказательств на основе результатов ОРД: полученные таким путем сведения и источники проверяются следователем в ходе уголовно-процессуальных процедур, которые позволяют эти сведения «трансформировать» в новую информационную сущность, придать им установленную законом процессуальную форму.

Итак, последовательно сравнивая следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, мы подходим к важнейшему их отличию — внешнему выражению возникающих в ходе этих действий и мероприятий правоотношений, которые развиваются в различных правовых режимах. Следственные действия, обладая ярко выраженным принудительным характером, используются как адекватная реакция государственных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, на совершенное преступление. Они проводятся субъектами доказывания с соблюдением принципов уголовного судопроизводства, которые устанавливают особые гарантии прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в орбиту доказательственной деятельности следователя, дознавателя, суда. Этой

деятельности присущи элементы гласности, что создает дополнительные условия для формирования в ходе нее допустимых и достоверных доказательств.

Иначе обстоят дела при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в ходе которой наиболее эффективными и востребованными становятся именно негласные мероприятия, проводимые с соблюдением конспирации, что исключает возможность непосредственного участия в получении данной информации собственно субъектов доказывания по уголовным делам (зачастую и дела уголовного в тот момент еще не существует).

Все указанные особенности обусловили различные способы регулирования познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовным делам и лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: именно специфика возникающих правоотношений потребовала их регулирования в рамках отдельных отраслей российского права: уголовно-процессуального и оперативно-розыскного. Это обстоятельство препятствует автоматическому внедрению в уголовное судопроизводство «специальных следственных действий» как чуждого уголовному процессу механизма получения информации.

Представляется, что аргументация С.А. Шейфера в этой части является весьма убедительной [1; 2]. Полагаем, что предложения российских ученых [16], направленные на модернизацию досудебного производства по уголовным делам путем введения «специальных следственных действий», путем отказа от стадии возбуждения уголовного дела и установления в досудебном производстве судебно-контрольных процедур с участием следственного судьи — это попытки изменить не только нормативную модель этого значимого участка уголовно-процессуальной деятельности, но и сам исторический тип современного российского уголовного процесса. При этом реформаторы упускают из вида ту особенность, что типологические характеристики уголовного процесса относятся к явлениям объективным, что они постепенно выкристаллизовывались с учетом традиций национального законодательства, которые, в свою очередь, вырабатывались на основе опыта других государств. Изменить ее искусственно — с помощью в том числе внедрения в ткань уголовно-процессуального права чуждых институтов — ошибочный путь.

Следует исходить из традиционного вычленения отраслей права в отечественной правовой системе, где эти нормативные общности выделяются по методу и предмету правового регулирования — тем самым специфическим правоотношениям, законченное и адекватное регулирование которых и составляет предназначение каждой отрасли права. Не могут нормы уголовно-процессуального права регулировать оперативно-розыскные отношения. Реализация подобного проекта способна привести к эрозии российского уголовно-процессуального права, «вымыванию» из него правообеспечительной и правозащитной составляющей.

Тот аргумент ряда авторов, что на «Западе работает» — значит, и у нас, в России, можно применить, вряд

ли можно считать убедительным доказательством необходимости модернизации системы следственных действий за счет расширения познавательных приемов досудебного производства оперативно-розыскными мероприятиями. Изменение названия этого средства познания преступного явления не изменит сущности осуществляемых действий, характера возникающих правоотношений, которые будут протекать в принципиально ином правовом режиме, чем при производстве традиционных следственных действий. Попытки реализовать такие «проекты» противоречат и концептуальным постулатам общей теории права, где на доктринальном уровне общим местом стало утверждение об обусловленности отраслевого регулирования тех или иных общественных отношений спецификой данного рода отношений, что позволяет вычленить их среди других групп правоотношений.

Подытоживая анализ проблематики «специальных следственных действий», необходимо привести очень уместное в этом смысле высказывание дореволюционного юриста К.Д. Анциферова: «...черта, характеризующая наших благонамеренных реформаторов, заключается, на наш взгляд, в крайнем увлечении образцами... Запада и в стремлении пересаживать на нашу отечественную почву без достаточного соображения целесообразности такой меры. Отмечая эту черту, мы, конечно, ничего не хотим сказать против заимствований. Все наше действующее законодательство судебное есть заимствование. Но стоя за заимствование идейное, мы отмечаем черту стремления наших реформаторов к заимствованию чисто механическому» [17, с. 283–284]. Пожалуй, данное высказывание, несмотря на то, что оно «увидело свет» почти 120 лет назад, как нельзя лучше описывает современное состояние дискуссии о модернизации системы следственных действий.

Хочется надеяться, что современная система следственных действий в условиях попыток ее дестабилизировать, внедрить в нее чужеродные элементы поведет себя так, как описывают специалисты системного анализа: проявит одно из фундаментальных свойств систем — устойчивость, т. е. способность «противостоять внешним возмущающим воздействиям». От этой устойчивости и «зависит продолжительность жизни системы» [18; 19].

Примечания

¹ То, что нормативные установления, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность, уже однозначно оформились в самостоятельную отрасль российского права, вполне обоснованно пишут В.А. Азаров и Е.В. Кузнецов [3; 4].

² На это прямо указывает п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [8].

³ Еще в 1997 г. С.А. Шейфер отмечал, что «...традиционное для теории доказательств отрицание доказательственного значения непроцессуальной информации в ее первоначальном виде сохраняет свое значение и сейчас. Взятые сами по себе

данные, полученные в результате оперативно-розыскной, административно-процессуальной и частной детективной деятельности, доказательствами не являются, ибо не соответствуют нормативному определению доказательства» [9, с. 58].

⁴ С.Б. Россинский обоснованно называет этот признак «первым сущностным» [15, с. 11].

⁵ Мы не развиваем в рамках этой дискуссии тезис о принудительном характере ряда следственных действий, осуществляемых в качестве проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела, когда еще неизвестно, имело место запрещенное уголовным законом деяние или проверяемый факт не содержит признаки преступления. Данная проблема ввиду ее остроты и неоднозначности должна составлять отдельный предмет для исследования.

⁶ Следует согласиться с высказыванием С.Б. Россинского: «Негласный характер подобных познавательных приемов делает невозможной полноценную реализацию необходимых юридических гарантий их доброкачественности» [15, с. 50].

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Система следственных действий: каковы пути ее развития? [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Шейфер С.А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2015. № 10. С. 115–127. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Азаров В.А., Кузнецов Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

4. Кузнецов Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 282 с.

5. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

6. Зайцева Е.А., Садовский А.И. В развитие учения С.А. Шейфера о формировании доказательств // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/3 (122). С. 22–28.

7. Зайцева Е.А., Садовский А.И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств: моногр. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 292 с.

8. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. 2013. 13 дек.

9. Шейфер С. А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Гос-во и право. 1997. № 9. С. 57–63.

10. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов ОРД: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 442 с.

11. Поляков М.П. Концепция уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2005. № 11. С. 47–52.

12. Толковый словарь Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21398> (дата обращения: 07.11.2017).

13. Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10024> (дата обращения: 07.11.2017).

14. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://slovari.299.ru/enc.php?find_word=%EB%E5%E3%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%FF&slovar=2 (дата обращения: 07.11.2017).

15. Россинский С.Б. Следственные действия: моногр. М.: Норма, 2018. 240 с.

16. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2015. 300 с.

17. Анциферов К.Д. К вопросу о реформе нашего мирового суда // Сборник статей и заметок по уголовному праву и судопроизводству. СПб.: Гос. тип., 1898. 601 с.

18. Родионов И.Б. Теория систем и системный анализ: курс лекций. URL: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodiонов/01.html> (дата обращения: 07.11.2017).

19. Чернышов В.Н., Чернышов А.В. Теория систем и системный анализ: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 96 с. PDF. URL: <http://window.edu.ru/resource/188/64188/files/chernyshov.pdf> (дата обращения: 18.11.2017).

References

1. Sheifer S.A. Sistema sledstvennykh deistvii: kakovy puti ee razvitiia? [System of investigative actions: what are the ways of its development?]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2015, no. 2, pp. 5–16. Access from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

2. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia – pravomerny li novye traktovki? [Investigative actions – whether new treatments are lawful?]. Lex Russica, 2015, no. 10, p. 115–127. Access from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

3. Azarov V.A., Kuznetsov E.V. Teoreticheskie osnovy formirovaniia otrasli operativno-rozysknogo prava: monogr. [Theoretical bases of formation of branch of the operational search right]. M.: Iurlitinform, 2016, 208 p. [in Russian].

4. Kuznetsov E.V. Teoreticheskie osnovy formirovaniia otrasli operativno-rozysknogo prava: dis. .... kand. iurid. nauk [Theoretical bases of formation of branch of the operational search right: Candidate's of Law thesis]. Omsk, 2014, 282 p. [in Russian].

5. Ob operativno-rozysknnoi deiatel'nosti: feder. zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ (red. ot 06.07.2016) [Concerning Investigative Activities: federal law dated 12.08.1995 № 144-FZ (revised 06.07.2016)]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 1995, no. 33, Article 3349; SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 28, Article 4558 [in Russian].

6. Zaytseva E.A., Sadovsky A.I. V razvitie ucheniia S.A. Sheifera o formirovanii dokazatel'stv [In the development of the doctrine of S.A. Sheifer about the formation of proofs]. Vestnik SamGU [Vestnik of Samara State University], 2014, no. 11/3 (122), pp. 22–28 [in Russian].
7. Zaytseva E.A., Sadovsky A.I. Formirovanie dokazatel'stv sledovatelem s ispol'zovaniem spetsial'nykh poznanii i nauchno-tekhnicheskikh sredstv: monogr. [Formation of proofs by the investigator with the use of special knowledge and scientific and technical means: monograph]. Volgograd: VA MVD Rossii, 2013, 292 p. [in Russian].
8. Ob utverzhdenii Instruksii o poriadke predstavleniia rezul'tatov operativno-rozysknoi deiatel'nosti organu doznanii, sledovatelii ili v sud: Prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii № 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii № 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27.09.2013 [About the approval of the Instruction about an order of representation of results of operational search activity to the body of an inquiry, to the investigator or in court: Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 776, RF Ministry of Defense № 703, Russian Federal Security Service № 509, Federal Guard Service of the Russian Federation № 507, Federal Customs Service of the Russian Federation № 1820, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation № 42, FSIN of Russia № 535, Federal Correctional Service of the Russian Federation № 398, Investigation Committee of the Russian Federation № 68 dated 27.09.2013. Rossiiskaia gazeta [Russian newspaper], 2013, December 13 [in Russian].
9. Sheifer S.A. Ispol'zovanie neprotsessual'nykh poznavatel'nykh meropriiatii v dokazyvanii po ugovnomu delu [Use of not procedural informative actions in proof of criminal case]. Gos-vo i pravo [State and Law], 1997, no. 9, pp. 57–63 [in Russian].
10. Polyakov M.P. Ugolovno-protsessual'naia interpretatsiia rezul'tatov ORD: dis. ... d-ra iurid. nauk [Criminal procedure interpretation of the results of operational search activity: Doctoral of Law thesis]. N. Novgorod, 2002, 442 p. [in Russian].
11. Polyakov M.P. Kontsepsiia ugovno-protsessual'noi interpretatsii rezul'tatov operativno-rozysknoi deiatel'nosti [Concept of criminal procedure interpretation of results of operational search activity]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], 2005, no. 11, pp. 47–52 [in Russian].
12. Tolkovyi slovar' D.N. Ushakova [Explanatory dictionary by D.N. Ushakov]. Retrieved from: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=21398> (accessed 17.12.2017) [in Russian].
13. Tolkovyi slovar' S.I. Ozhegova [Explanatory dictionary by S.I. Ozhegov]. Retrieved from: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=10024> (accessed 17.12.2017) [in Russian].
14. Bol'shoi Entsiklopedicheskii Slovar' [Unabridged Encyclopaedic Dictionary]. Retrieved from: <http://slovari.299.ru> (accessed 17.12.2017) [in Russian].
15. Rossinsky S.B. Sledstvennye deistviia: monogr. [Investigative actions: monograph]. M.: Norma, 2018, 240 p. [in Russian].
16. Doktrinal'naia model' ugovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossiiskoi Federatsii i kommentarii k nei. Pod red. A.S. Aleksandrova [Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and comments to it. A.S. Alexandrov (Ed.)]. M.: Iurlitinform, 2015, 300 p. [in Russian].
17. Antsiferov K.D. K voprosu o reforme nashego mirovogo suda [On the issue of a reform of our magistrate's court]. In: Sbornik statei i zametok po ugovnomu pravu i sudoproizvodstvu [Collection of articles and notes on criminal law and legal proceedings]. Saint Petersburg: Gos. tip., 1898, 601 p. [in Russian].
18. Rodionov I.B. Teoriia sistem i sistemnyi analiz: kurs lektsii [Theory of systems and system analysis: course of lectures]. Retrieved from: <http://victor-safronov.ru/systems-analysis/lectures/rodionov/01.html> (accessed: 17.12.2017) [in Russian].
19. Chernyshov V.N., Chernyshov A.V. Teoriia sistem i sistemnyi analiz: ucheb. posobie [Theory of systems and system analysis: textbook]. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. tekhn. un-ta, 2008, 96 p. PDF. Retrieved from: <http://window.edu.ru/resource/188/64188/files/chernyshov.pdf> (accessed: 18.12.2017) [in Russian].

E.A. Zaytseva*

S.A. SHEIFER ABOUT THE SYSTEM OF INVESTIGATIVE ACTIONS

In the article S.A. Sheifer's contribution to the development of the doctrine about the investigative actions is analyzed. On the basis of understanding of investigative actions in narrow sense of this word, approach to investigative actions as to dialectic unity of form and content is shown, where as a form the procedure of informative and certifying receptions of subjects of proof established by the criminal procedure law, and contents – actually operations and receptions directed to establishment of circumstances of the studied event. The author divides worrying of respected scientist concerning attempts of modernization of system of investigative actions due to the introduction of detective activity in it as «special investigative actions». The fundamental difference of these two ways of knowledge of an event of the past is proved in the article. Inadmissibility of introduction to the law of criminal procedure of the alien sets of norms functioning by other rules, governing other public relations is reasoned. It is shown that the mode of implementation of the majority of detective activities can't create appropriate guarantees of reliability of the obtained information, and it demands additional efforts on verification of these data and their transformation into judicial evidences.

Key words: criminal trial, investigative actions, learning tools, system of investigative actions, special investigative actions.

* Zaytseva Elena Aleksandrovna (zaitceva-expert@rambler.ru), Department of the Criminal Process, Volgograd Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, 130, Istoricheskaya Street, Volgograd, 400089, Russian Federation.